

Въ сочиненіи можно отмѣтить немалое количество стилистическихъ погрѣшностей, неправильныхъ или неудобныхъ выраженій (стр. VII, 19, 20, 129—130, 153, 169 и др.); встрѣчается не одинъ случай неумѣлаго употребленія иностранныхъ словъ (стр. 51, 73, 75, 150, 199 и др.). По незнакомству съ англійскимъ языкомъ, о. Лукьяновъ „Mignau's Travels“ считаетъ собственнымъ именемъ путешественника, описавшаго свои „travels“ по превратившейся въ пустыню Вавилоніи. Возбуждаютъ сомнѣніе и требуютъ поясненія или исправленія, въ частности, слѣдующія, напр., мѣста сочиненія: „остатки этихъ сооружений на мѣстѣ развалины древняго Вавилона нашель Лейярдъ Рассамъ“ (стр. 69); „призванный двадцати лѣтъ къ великому пророческому служенію, онъ (пр. Исаія) проходилъ его въ царствѣ Іудейскомъ при четырехъ его царяхъ: Озіи (780—740 гг.), Іоаѡамъ (740—736), Ахазъ (736—727) и Езекиа (427—698)“—стр. 112—113; „но грозный Вавилонъ, какъ діаволь лишь пораженный въ пяту при своемъ ниспаденіи съ неба“... (стр. 232—233); діаволь „въ концѣ этого видимаго міра явится въ образѣ Антихриста“ (стр. 268).

Всѣ указанные недочеты касаются частныхъ и въ большинствѣ объясняются условіями, при которыхъ обыкновенно составляются кандидатскія работы; а потому необходимо признать автора, въ виду отмѣченныхъ достоинствъ его сочиненія, вполне заслуживающимъ искомой степени“.

28) О сочиненіи студента *Любимова Осодора* на тему: „Русское общество и церковь въ дѣлѣ раскрѣпощенія крестьянъ 19 февраля 1861 года“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Любимова открывается небольшимъ введеніемъ, дающимъ короткій очеркъ хода крестьянской реформы, а затѣмъ въ трехъ главахъ авторъ разсматриваетъ: во-первыхъ, отношеніе къ реформѣ дворянства, какъ сословія наиболѣе заинтересованнаго въ реформѣ и притомъ призваннаго официально проводить реформу; во-вторыхъ, отношеніе къ реформѣ современной ей русской изящной и въ особенности публицистической литературы, въ которой выражались идеи и желанія общественныхъ круговъ, не принимавшихъ

въ освобожденіи офіціального участія, въ третьихъ,—отношеніе къ реформѣ русской церкви.

Въ началѣ I-ой главы авторъ, какъ намъ кажется, даетъ слишкомъ суммарную и поэтому весьма спорную характеристику дворянства, говоря, что дворянство благодаря постоянному пополненію его выслуживающимися элементами „къ концу царствованія Александра I заключало въ себѣ все, что было хорошаго въ народѣ“. (44) Не слишкомъ ли много этимъ сказано? Какъ будто ничего хорошаго въ другихъ сословіяхъ не оставалось. Несовсѣмъ вѣрно и то положеніе (44—45), что дворянство въ періодъ двухъ царствованій Александра I и Николая I „судорожно цѣплялось за крѣпостное право и обнаруживало упорное нежеланіе содѣйствовать либеральнымъ стремленіямъ высшей власти“. Между тѣмъ въ эпоху Александра I и Николая I можно указать не одно имя государственныхъ дѣятелей и писателей изъ того же дворянства, горячо сочувствовавшихъ идеѣ освобожденія. Дѣятели реформы, о которыхъ съ такой симпатіей говоритъ авторъ, воспитались и выросли въ николаевское же царствованіе. Такія суммарныя характеристики грѣшатъ преувеличеніями, къ какимъ вообще иногда склоненъ авторъ. Развѣ не преувеличеніе напр. сказать, что „проекты (изъ дворянской среды) полетѣли *тысячами*“? Но дальнѣйшая характеристика отношенія дворянства къ реформѣ сдѣлана достаточно полно и вѣрно. Изучая настроеніе большинства дворянства, авторъ наблюдаетъ, что при рѣшеніи самыхъ существенныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса (губернскіе) комитеты руководились не крестьянскими интересами или государственными соображеніями, а сословными выгодами и интересами; что, далѣе, большая половина депутатовъ, присланныхъ комитетами въ Редакціонныя комиссіи, высказалась противъ сохраненія существующаго надѣла и предлагала уменьшенный надѣлъ; что, наконецъ, депутаты возражали и противъ принципа неизмѣнности повинностей, принятаго Редакціонными комиссіями (128, 136, 138—142). Изъ этихъ частныхъ наблюденій авторъ приходитъ къ общему заключенію, что большинство дворянства, хотя уже и пришло къ мысли о необходимости развязаться съ крѣпостнымъ правомъ, но на освобожденіе взглянуло не съ обще-государственной точки зрѣнія, а исключительно съ точки

зрѣнія сословныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Охарактеризовавъ затѣмъ вполне вѣрно противоположную точку зрѣнія дворянскаго меньшинства (51—154), авторъ слѣдитъ за борьбой этихъ двухъ общественныхъ группъ въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

Глава II-я написана довольно бѣгло, и самое заглавіе ея данное нѣсколько тяжеловато и неопредѣленно: „Крестьянскій вопросъ въ сферѣ неофициальнаго его разрѣшенія“. Но съ большимъ интересомъ прочли мы послѣднюю III-ю главу: „Раскрѣпощеніе крестьянъ и русская церковь“. Вопросъ этотъ очень мало былъ затронутъ въ существующей литературѣ. Авторъ начинаетъ главу съ отношенія церкви къ несвободнымъ состояніямъ задолго до реформы, а затѣмъ останавливается на изображеніи взглядовъ на реформу нѣсколькихъ выдающихся іерарховъ, между прочимъ Макарія, будущаго митрополита московскаго. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь, разумѣется, знаменитый московскій іерархъ Филаретъ. Въ нашей публицистической литературѣ господствуетъ несправедливое отношеніе къ взглядамъ Филарета Московскаго на освобожденіе крестьянъ, какъ отрицательнымъ. Вѣрно замѣчая (232—233), что реформы 60-хъ годовъ начались уже при концѣ жизни знаменитаго архипастыря, когда его взгляды на государство и общество получили полную опредѣленность и неизмѣнность, авторъ путемъ анализа проповѣдей и писемъ московскаго владыки къ намѣстнику Троицкой Лавры выясняетъ положительный его взглядъ на реформу, которая по его мнѣнію должна была основываться на добровольномъ соглашеніи помѣщиковъ съ крестьянами.

Указанное содержаніе сообщаетъ высокій интересъ разбираемой работѣ. Цѣнное ея качество также проявленное авторомъ обширное знакомство съ источниками и литературой предмета. Все это даетъ автору право на полученіе искомой степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. И. Соколова*:

„Охарактеризовавъ на первыхъ страницахъ своего сочиненія общественное настроеніе въ Россіи къ началу царствованія императора Александра II и описавъ общій ходъ работъ по освобожденію крестьянъ, г. Любимовъ разсматриваетъ въ

трехъ отдѣльныхъ главахъ отношеніе къ крестьянской реформѣ помѣстнаго дворянства, вѣсословной интеллигенціи и церкви. Роль помѣстнаго дворянства въ исторіи крестьянскаго освобожденія изображается у автора въ нѣсколько одностороннемъ видѣ. По его словамъ, въ періодъ царствованій Александра I и Николая I дворянство упорно не желало содѣйствовать либеральнымъ стремленіямъ высшей власти по отношенію къ крестьянству и отвѣчало на всѣ ея призывы гробовымъ молчаніемъ (стр. 44—45). Говорить такъ, значить преувеличивать и либеральные призывы правительства, и „гробовое молчаніе“ дворянства. Если большинство помѣщиковъ того времени дѣйствительно судорожно цѣплялось за крѣпостное право, то вѣдь изъ помѣщичьей же среды выходили и тѣ люди, которые поднимали крестьянскій вопросъ. Не слѣдуетъ забывать, что къ помѣстному дворянству принадлежали и декабристы, и „люди сороковыхъ годовъ“, и непосредственные дѣятели освобожденія. Отношеніе большинства дворянъ къ крестьянской реформѣ въ самый періодъ ея разработки авторъ представляетъ такимъ образомъ. Когда окончательно выяснилась твердая рѣшимость правительства освободить крестьянъ съ землею, дворяне сначала растерялись; затѣмъ они начали всячески спасать свое матеріальное положеніе, урѣзывая въ губернскихъ комитетахъ крестьянскіе надѣлы и повышая до баснословныхъ размѣровъ выкупные платежи; наконецъ, когда это имъ не удалось, они устремились на приобрѣтеніе себѣ политическихъ правъ и гарантій, пытаясь захватить въ свои руки власть надъ сельскими обществами и провинціальной администраціей. Поскольку дѣло идетъ о помѣщикахъ—крѣпостникахъ, эта картина, конечно, совершенно вѣрна. Но когда авторъ говоритъ о политическихъ притязаніяхъ преобладающей части дворянства, онъ недостаточно ясно разграничиваетъ ихъ отъ стремленій либеральнаго дворянскаго меньшинства. Политическая программа этого меньшинства была, какъ онъ знаетъ, совсѣмъ иная: въ ней стояли не помѣщичьи привилегіи, а гражданскія права народа, всесословное или безсословное самоуправленіе, главный и равный для всѣхъ судъ, свобода слова. Эту разницу нужно было рѣзче подчеркнуть, такъ какъ она чрезвычайно важна и для характеристичности отноше-

ній дворянскихъ партій къ крестьянскому вопросу, и для оцѣнки ихъ общественнаго развитія.

Объ отношеніи русской интеллигенціи къ освобожденію крестьянъ г. Любимовъ говоритъ очень поверхностно и кратко. Упоминается извѣстный московскій банкетъ 1857 г., оцѣниваются заслуги русской литературы въ дѣлѣ крестьянской реформы, рассматриваются идеи и настроенія, господствовавшія въ тогдашней радикальной публицистикѣ. Но изъ произведеній художественной литературы, вліявшихъ на развитіе освободительныхъ идей, называются только „Записки охотника“ Тургенева и „Губернскіе очерки“ Щедрина. О Некрасовѣ, Григоровичѣ, Л. Толстомъ, Достоевскомъ, Аксаковыхъ не говорится ни слова. Что же касается представителей радикальной публицистики, то изъ нихъ авторъ останавливается нѣсколько подробнѣе только на Герценѣ, но и его роль въ исторіи крестьянскаго освобожденія очерчена довольно блѣдно.

Такою же неполнотой и односторонностью страдаетъ у г. Любимова и очеркъ отношеній русской церкви къ крестьянской реформѣ. Авторъ судитъ объ этихъ отношеніяхъ больше съ точки зрѣнія евангельскаго идеала, чѣмъ съ точки зрѣнія конкретной дѣйствительности. По его словамъ, церковь въ эпоху освобожденія крестьянъ „оказалась представительницей интересовъ народныхъ“ (256). Въ лицѣ своихъ іерарховъ она „старалась, насколько это было возможно, разъяснять обществу всю ненормальность института крѣпостничества, воздѣйствовать на дворянство въ смыслѣ привітія идеи необходимости освобожденія вообще и пожертвованія матеріальнаго со стороны владѣльцевъ въ частности“ (255). Она „выполнила сочувственно относилась къ тому подъему общественныхъ силъ, который въ 60-хъ годахъ 19 столѣтія устремился на разрушеніе Россіи дореформенной и къ созданію Россіи новой, обновленной въ реформахъ отъ всѣхъ недостатковъ своего стараго организма“ (229—230). Въ этихъ, не совсѣмъ складныхъ, словахъ есть несомнѣнные элементы преувеличенія. Тогдашнее положеніе русской церкви было не таково, чтобы она могла принять широкое участіе въ общественномъ движеніи, связанномъ съ крестьянской реформой, а ея историческія традиціи не позволяли ей одобрять разрушительныхъ стремленій. Конечно, среди представителей

нашего высшего духовенства были лица, не только сочувствовавшия освобожденію крестьянъ, но и открыто выражавшія свое сочувствіе. Таковы, наприм., упоминаемые авторомъ архимандритъ Іоаннъ, вполнѣдствіи епископъ Смоленскій, Макарій, вполнѣдствіи митрополитъ Московскій, Георгій, епископъ Калужскій, Иліодоръ, архіепископъ Курскій. Но вѣдь были и такіе іерархи, которые относились къ этому событію выжидательно, боязливо и даже прямо враждебно. Для примѣра можно было бы назвать епископа Ставропольскаго Игнатія, доказывавшаго, въ противоположность архимандриту Іоанну, что крѣпостное право вполнѣ согласно съ духомъ христіанства. Обо всемъ этомъ авторъ почему-то умалчиваетъ. Самымъ яркимъ выразителемъ тогдашнихъ церковныхъ взглядовъ на раскрѣпощеніе крестьянъ былъ, безъ сомнѣнія, Филаретъ, митрополитъ Московскій; между тѣмъ именно у этого знаменитаго архипастыря мы могли бы найти всего менѣе сочувствія „къ разрушенію дореформенной Россіи“. Вопреки обычаю мнѣнію, г. Любимовъ усиливается доказать, что митрополитъ Филаретъ не былъ противникомъ крестьянской реформы, и въ подтвержденіе этого ссылается на его слова о желательности разрѣшенія крестьянскаго вопроса путемъ частныхъ добровольныхъ соглашеній помѣщиковъ съ крестьянами. Но это очень странная аргументація. Вѣдь митрополитъ Филаретъ потому именно и выдвигалъ мысль о добровольныхъ соглашеніяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, что *принудительная* реформа 19-го февраля не встрѣчала его одобренія. О любопытныхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ участіемъ митрополита Филарета въ составленіи манифеста 19 февраля, равно какъ и о самомъ этомъ участіи авторъ почему-то совсѣмъ не упоминаетъ.

Г. Любимовъ обнаружилъ въ своемъ сочиненіи большое трудолюбіе и значительныя историческія свѣдѣнія. Онъ собралъ громадный матеріалъ, использовавъ по мѣрѣ своихъ силъ и сборники документовъ по крестьянской реформѣ, и воспоминанія ея дѣятелей, и письма частныхъ лицъ, и историческія монографіи, и многочисленныя, иногда мало извѣстныя журнальныя статьи. Въ этомъ состоитъ его несомнѣнная и немаловажная заслуга. Но литературная обработка его сочиненія оставляетъ многого желать. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

29) О сочиненіи студента священника *Люстрицкаго Михаила* на тему: „Лженсидоровскія декреталіи. (Историко-литературная характеристика)“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Научная литература о Лженсидоровскихъ декреталіяхъ, какъ извѣстно,—такъ богата и сложна (ср. напр. ея указатель въ *R. Encycl. Herzog's XVI³*, 265—267 s.), что не только внести въ нее что либо существенно-новое, но и разобраться въ ея разнообразныхъ теоріяхъ и гипотезахъ—представляется дѣломъ очень нелегкимъ. Работа о. Люстрицкаго—гораздо болѣе скромнаго характера. Свое историко-литературное изслѣдованіе отмѣченнаго сборника (1—291 стр.) онъ дѣлаетъ на основаніи лишь очень ограниченнаго круга пособій (*Seckel*, *Lurz*, *Павловскій*, и главнымъ образомъ—изслѣдованіе *Hinschius'a: De collectione decretalium et canonum Isidori Mercatoris (XI—CCXXXIV)*), являющееся одной изъ самыхъ авторитетныхъ и обстоятельныхъ работъ по данному вопросу). Излагая взгляды и выводы своихъ ученыхъ руководителей, о. Люстрицкій иногда полнѣе развиваетъ ихъ, раскрывая „глухую“ цитацию памятника въ пособіяхъ болѣе или менѣе распространенными выписками (переводами) соответствующихъ его мѣстъ. Въ такихъ рамкахъ о. Люстрицкій выполнилъ свою работу довольно удовлетворительно, представивъ достаточно полные и обоснованные отвѣты на вопросы о составѣ памятника,—объ источникахъ, какими пользовался Лженсидоръ для своего сборника, объ его тенденціи, авторѣ, мѣстѣ и времени происхожденія.

Сочиненіе о. Люстрицкаго—нечуждо нѣкоторыхъ какъ матеріальныхъ, такъ и формальныхъ недостатковъ. Прежде всего, значительнымъ пробѣломъ въ его сочиненіи является отсутствіе главы, посвященной хотя бы краткой характеристикѣ существующихъ манускриптовъ Лженсидоровскаго сборника и принятой въ наукѣ ихъ классификаціи. Не говоря уже о томъ, что богатый матеріалъ для такой главы давало цитованное изслѣдованіе *Hinschius'a*,—сжатое изложеніе этого вопроса авторъ имѣлъ подъ руками въ использованной имъ статьѣ *Seckel'я*. Обойдя вниманіемъ этотъ пунктъ своей темы, авторъ однако не разъ на страницахъ своей работы бывалъ вынужденъ упоминать о различныхъ

классахъ (А1, А2, В, С и др.) рукописей характеризуемаго сборника (8, 10, 13, 15, 18, 19, 97 стр. и др.),—такъ что для читателя, незнакомаго съ исторіей и классификаціей Лженсидоріанскихъ кодексовъ, изложеніе автора остается очень неяснымъ. Равнымъ образомъ, авторъ почти съ первой страницы своей работы часто упоминаетъ о т. н. „Испанской коллекціи“ (*Collectio canonum Hispana*), являющейся своего рода первоосновой Лженсидоровскаго сборника (стр. 4, 7, 9, 10, 12, 16, 17, 19, 20, 21, 22), между тѣмъ какъ свѣдѣнія объ этой коллекціи, или, точнѣе, уже объ Испано-галльской коллекціи (*Hispano-Gallica Augustodunensis*), мы находимъ у нашего автора лишь на 33—35 стр.).

Другимъ недостаткомъ сочиненія о Люстрицкаго является его уже крайняя зависимость отъ использованныхъ имъ пособій. Авторъ, почерпая изъ этихъ пособій весь матеріалъ для своей работы, часто даетъ просто болѣе или менѣе дословный переводъ изъ нихъ, что мѣстами сообщаетъ его сочиненію значительную сухость. Работа автора выиграла бы въ интересъ и живости, если бы онъ иногда иллюстрировалъ слишкомъ сжатое изложеніе Hinschius'a и Lurz'a болѣе подробнымъ изображеніемъ событій и отношеній западной церковно-политической жизни 9 вѣка,—равно какъ болѣе подробными выдержками изъ соответствующихъ декреталій.

Этою слишкомъ близкою зависимостью автора отъ его пособій объясняются, далѣе, недостатки его стиля, который носитъ на себѣ яркіе слѣды не русской (латино-нѣмецкой) конструкціи рѣчи,—при чемъ иногда авторъ допускаетъ и ошибки въ переводѣ иностраннаго текста. Приведу нѣсколько примѣровъ. На стр. 35: „Пѣснь... на домъ Каролингъ (=ein Lobgedicht auf das Haus der Karolinger); „главы безъ всякаго вещественнаго или историческаго порядка (=ohne sachliche oder historische Ordnung)“. Стр. 98: „Одни строятъ автора на его личныхъ интересахъ, другіе же на партійныхъ“. Стр. 99: „по повелѣнію благочестиваго Отчара, котораго теперь Могутина держитъ высочайшимъ первосвященникомъ“. Стр. 78: „благодаря многимъ запрещеніямъ чужихъ судовъ, такъ что никто изъ епископовъ не можетъ судиться кромѣ соборовъ провинціальныхъ, Лженсидоръ запрещаетъ и т. д.“. (Ср. стр. 31, 38, 95, 100, 102, 110 и др.). Выраженіе: *ordo de*

celebrando concilio авторъ переводить: „кругъ празднованія соборовъ“ (2 стр.). „De vana superstitione chorepiscoporum“ авторъ всюду переводить: „о пустомъ суевѣрїи хорепископовъ“ (стр. 16, 21, 26, 42—43), хотя, какъ извѣстно и самому автору, въ цитируемой декреталии рѣчь идетъ о незаконно усвоившихся хорепископамъ іерархическихъ правахъ. Другіе примѣры неточнаго перевода—на стр. 6, 49, 58, 64, 75, 119.

Наконецъ, въ качествѣ дефекта работы о. Люстрицкаго слѣдуетъ указать на недостаточную исправность его цитации. Хотя авторъ, какъ мы сказали, почти все содержаніе своей работы заимствуетъ изъ отмѣченныхъ имъ же самимъ пособій, однако въ самомъ изложеніи онъ рѣдко опредѣленно указываетъ на страницы своихъ заимствованій,—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлаетъ буквальные переводы изъ своихъ пособій, не обозначая этихъ заимствованій и обязательными въ такихъ случаяхъ кавычками (стр. 1, 2, 3 и др.).

Несмотря на отмѣченные недостатки, я нахожу работу о. Люстрицкаго удовлетворительной кандидатской диссертацией, потребовавшей отъ ея автора не мало кропотливаго труда надъ сухимъ и нелегкимъ для перевода латинскимъ текстомъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Потова*:

„Сочиненіе свящ. Люстрицкаго даетъ довольно полный и всесторонній отвѣтъ на вопросъ, поставленный ему темой. Онъ излагаетъ содержаніе Лжеисидорова сборника, выясняетъ источники, которыя находились въ рукахъ фальсификатора, устанавливаетъ тенденціи работы и цѣли, къ осуществленію которыхъ стремился авторъ, и, наконецъ, въ трехъ послѣднихъ отдѣлахъ своего сочиненія говоритъ объ авторѣ памятника, мѣстѣ и времени его появленія. Такимъ образомъ со стороны своей полноты работа свящ. Люстрицкаго не вызываетъ никакихъ возраженій и можетъ быть признана вполне удовлетворительной. Но нельзя съ такою же рѣшительностью высказаться о цѣнности выполненія задачи, заключенной въ столь правильныя рамки. Цѣнность историко-литературныхъ изслѣдованій, къ разряду которыхъ принадлежитъ и сочиненіе автора, опредѣляется степенью знакомства изслѣдователя съ первоисточниками, обширностью его начитанности въ литературѣ предмета, оригинальностью

постановки вопросов и независимостью отвѣтовъ на нихъ. Прилагая эту мѣрку къ сочиненію свящ. Люстрицкаго, мы прежде всего коснемся его отношенія къ источникамъ. Прямымъ и непосредственнымъ источникомъ служили для автора, конечно, самыя Лжеисидоровскія декреталіи и нужно признать, что съ текстомъ ихъ онъ ознакомился въ достаточной мѣрѣ. Но кромѣ этого первоисточника существуетъ цѣлый рядъ подлинныхъ и подложныхъ памятниковъ, стоящихъ въ томъ или иномъ отношеніи къ Лжеисидоровскому сборнику. Слѣдовъ самостоятельнаго изученія этой обширной литературы въ своемъ сочиненіи авторъ не обнаружилъ, но за это его нельзя судить слишкомъ строго, такъ какъ подобную сложную работу за одинъ годъ не могъ бы выполнить и болѣе опытный изслѣдователь. Почти то же самое нужно сказать и о громадной литературѣ, вызванной къ жизни Лжеисидоровскими декреталіями. Авторъ далеко не изучилъ ее во всей совокупности, но самое главное и важнѣйшее имъ использовано. Сюда относятся: Hinschius, *Decretales Pseudo-Isidorianae et capitula Augilramni*; Lurz, *Ueber die Heimat Pseudoisidors*; Павловскій, Лжеисидоровскія декреталіи и ихъ значеніе въ исторіи развитія папской системы. Что касается автора къ использованной имъ литературѣ, то о самостоятельности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Какъ постановка вопросовъ, такъ и отвѣты на нихъ автору подсказаны изслѣдованіями, которыми онъ пользовался. Мало того, онъ былъ ими совершенно связанъ. Большею частью онъ даетъ ихъ дословный переводъ, сквозь который просвѣчиваетъ латинскій или нѣмецкій текстъ. Это сказывается въ подборѣ выраженій, разстановкѣ словъ, транскрипціи именъ, наконецъ въ неправильности перевода.

Таковы положительныя и отрицательныя стороны сочиненія свящ. Люстрицкаго въ общемъ. Недостатки его работы находятъ себѣ извиненіе въ сложности матеріаловъ и трудности самой задачи. Поэтому его сочиненіе, представляя собою удовлетворительную кандидатскую работу, даетъ ему право на полученіе исковой степени“.

30) О сочиненіи студента *Максимова Александра* на тему: „Царь Соломонъ и его время“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе студента А. Максимова состоитъ изъ краткаго введенія, девяти небольшихъ главъ и указателя литературы вопроса. Въ первыхъ семи главахъ авторъ говоритъ, главнымъ образомъ на основаніи данныхъ Библии, о восшествіи Соломона на престолъ, о его правленіи, мудрости и славѣ, о построеніи храма, о богатствѣ, о политикѣ, о его паденіи и смерти (гл. 1—7). Въ восьмой главѣ онъ передаетъ содержаніе легендъ о Соломонѣ и въ 9-ой—излагаетъ общій взглядъ на исторію царствованія Соломона.

Главный недостатокъ сочиненія студента Максимова состоитъ въ томъ, что онъ обращаетъ свое вниманіе преимущественно на обстоятельства личной жизни Соломона и нерѣдко совершенно забываетъ о его времени. Поэтому, вводя всѣхъ современниковъ Соломона въ исторію послѣдняго, авторъ дѣлаетъ очень слабую, едва уловимую, попытку поставить личность Соломона въ соотношеніе съ обстоятельствами религіозно-нравственной и политической жизни цѣлаго народа.

Есть въ сочиненіи А. Максимова недочеты и въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такъ, приводя на справку сужденія отцовъ и учителей церкви, онъ пользуется цитацией изъ вторыхъ рукъ (стр. 247, гдѣ дѣлаются указанія на блаж. Иеронима и св. Иларія по Вигуру), тогда какъ автору не трудно было самому найти нужныя ему справки по оригиналамъ, тѣмъ болѣе, что этихъ справокъ изъ святоотеческой литературы у автора вообще немного.

Указывая въ общемъ перечнѣ источниковъ и пособій сочиненія Иосифа Флавія, авторъ отмѣчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сочиненіе іеромонаха (нынѣ епископа) Иосифа: „Исторія Иудейскаго народа по археологій Иосифа Флавія“. Но изъ труда студента А. Максимова совершенно не видно, въ какихъ цѣляхъ кромѣ самыхъ сочиненій Иосифа Флавія имъ привлеченъ былъ трудъ іеромонаха Иосифа, когда и сочиненія Иосифа Флавія исчерпаны имъ недостаточно полно.

Передавая въ 8-ой главѣ содержаніе легендъ о Соломонѣ, авторъ довольствуется изложеніемъ далеко невыразительныхъ легендъ и повторяетъ при этомъ то, что нѣкоторые изъ русскихъ библеистовъ (Богородскій) говорили въ видахъ *общей характеристики* вѣвѣбблейскаго Соломона, а не

въ тѣхъ цѣляхъ, которыя спеціально должны были интересовать нашего автора. Въ его интересахъ было познакомиться не только съ народными преданіями, но и съ талмудическими воззрѣніями на Соломона хотя бы по энциклопедіи *Namburger'a*. А послѣдняго нѣтъ у автора.

Но, несвободное отъ недостатковъ, сочиненіе студента А. Максимова не лишено и достоинствъ. Оставивъ безъ достаточнаго уясненія вопросъ о „времени“ царя Соломона, авторъ понималъ, что характеристика этого времени для него обязательна и поэтому хотя кратко онъ все же пытался охарактеризовать и эпоху царствованія Соломона. Цитируя блаж. Иеронима и св. Иларія по Вигуру, онъ обнаружилъ и самостоятельное знакомство съ мнѣніями нѣкоторыхъ отцовъ церкви, творенія которыхъ имѣются въ русскомъ переводѣ (напр. Кирилль Іерусалимскій). Должно быть поставлено въ положительную заслугу автору то, что онъ, какъ православный библеистъ, хорошо изучилъ данныя Библии, которыми онъ всегда пользуется при уясненіи исторіи Соломона, благодаря чему частныя сужденія его являются строго обоснованными. Языкъ сочиненія довольно правильный.

Въ виду этого мы признаемъ сочиненіе студента А. Максимова достаточнымъ для признанія автора его достойнымъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *В. Н. Страхова*:

„Небольшое сочиненіе (сс. 1—299) г. Максимова состоитъ изъ краткаго *предисловія*, гдѣ авторъ формулируетъ свою задачу, и *деяти* главъ, въ *первой* изъ коихъ авторъ излагаетъ исторію воцаренія Соломона, во *второй*—разсказываетъ о первыхъ шагахъ правленія Соломона и о принятыхъ имъ мѣрахъ къ огражденію неограниченной царской власти, въ *третьей*—говоритъ о набожности и мудрости Соломона, въ *четвертой*—излагаетъ исторію приготовленія Соломона къ построенію храма, самаго построенія и освященія храма, въ *пятой*—описываетъ богатства Соломона, роскошь и великолѣпіе его двора, и кратко сообщаетъ объ источникахъ государственныхъ налоговъ при Соломонѣ, въ *шестой*—говоритъ о внутренней и внѣшней политикѣ Соломона, въ *седьмой*—

излагаетъ исторію паденія, анализируетъ причины его и рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о раскаяніи Соломона, въ *восьмой*—изображаетъ, на основаніи легендъ, Соломона въвѣбблейскаго и въ *девятой*—бросаетъ общій взглядъ на исторію царствованія Соломона. Сочиненіе оканчивается перечнемъ изученной авторомъ литературы вопроса.

Главнымъ источникомъ для автора при написаніи его сочиненія служила Библия и по преимуществу 3-ья книга Царствъ и 2-я книга Паралипоменонъ. Строго библейское освѣщеніе вопроса—главное достоинство сочиненія г-на Максимова. Приходится только пожалѣть, что авторъ уклонился отъ критическаго изученія священнаго текста. Безъ критическаго отношенія къ священному тексту, безъ привлеченія критико-экзегетическаго метода работа автора нѣсколько пострадала въ своей научности. Вслѣдствіе этого она свелась къ простому изложенію библейскаго текста, снабженному краткимъ комментариемъ. Но и при такомъ упрощенномъ методѣ работы автора постигла досадная неудача. Принявъ библейскій текстъ за несомнѣнное данное, авторъ воспользовался имъ съ недостаточною тщательностью. Въ его сочиненіи библейскія цитаты часто не проверены (с. 83, 103—104, 118, 119 прим., и др.), въ нихъ иногда не доищешься смысла (с. 29, 60, 114, 120, 147), библейскія имена и названія кое-гдѣ извращены (напр. Гальсонъ вм. Гаваонъ, с. 80; Сидонянки вм. Сидонянки, с. 213; Екклізіастъ вм. Екклезіастъ, с. 250 и др.). Я, конечно, готовъ отнести всѣ указанные ошибки на долю переписчика, но не могу снять отвѣтственности и съ автора: на его обязанности лежало исправленіе ошибокъ переписчика и тщательный просмотръ библейскихъ цитатъ.

Содержаніе работы г-на Максимова также несвободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Въ однихъ мѣстахъ оно страдаетъ общностью, неполнотою, недостаткомъ анализа, въ другихъ, наоборотъ, привлеченіемъ ненужнаго матеріала. О жестокости Соломона (2 гл.) авторъ разсуждаетъ очень отвлеченно и не углубляется въ поступки казенныхъ Соломономъ лицъ, особенно Семеня. Въ 4-ой главѣ авторъ долго и совсѣмъ некстати (въ чемъ онъ и самъ сознается) останавливается на описаніи величины Соломонова храма и внутренняго его устройства. При изложеніи исторіи паденія Соломона (гл. 7)

авторъ недостаточно углубляется въ психологію паденія, не останавливаясь на недовольномъ отношеніи народа къ Соломону, вліявшемъ на психику царя. И вообще авторъ говоритъ главнымъ образомъ о личности Соломона и очень мало — о его *времени*. Если бы онъ подробнѣе разсмотрѣлъ религіозную и политико-экономическую жизнь евреевъ времени Соломона и поставилъ бы личность этого царя въ связь съ жизнью всего народа,—его сочиненіе, будучи точнымъ отвѣтомъ на тему, выиграло бы въ своей солидности. Далѣе, недостаткомъ историко-археологическихъ свѣдѣній объясняются нѣкоторыя утвержденія автора, напр., о мѣстонахожденіи Гіона (с. 26), Була (с. 141), Өадмора (с. 175). Автору не мѣшало бы посмотреть библейскій словарь Schenkel'я и словарь библейскихъ древностей Riehm'a. Нельзя не поставить автору въ вину цитаціи отцовъ Церкви изъ вторыхъ рукъ (с. 247) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—шероховатости и неправильности стиля [с. 4, 11, 14, 20, 36, 46, 47, 56, 76, 91 („нѣкоторыя книги Соломона приняты въ канонъ святыхъ (?)“), 110, 146 („могущественные аккорды“), 148—150].

Однако всѣ указанные недостатки сочиненія вполнѣ покрываются его достоинствами—строго библейской и православно—церковной точкой зрѣнія и внимательнымъ изученіемъ русской и иностранной литературы вопроса, почему авторъ его вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

31) О сочиненіи студента *Маркова Владимира* на тему: „Переписка проф. Н. И. Субботина (преимущественно неизданная) какъ матеріалъ для исторіи раскола и отношеній къ нему правительства.“

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Это сочиненіе принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, разъ начнешь ихъ читать, трудно уже бываетъ оторваться. Въ распоряженіи автора оказался архивъ извѣстнаго расколовѣда покойнаго профессора Московской Духовной Академіи Н. И. Субботина. Для настоящей работы г. Марковымъ изучена переписка Субботина съ К. П. Побѣдоносцевомъ, а также съ нѣсколькими дѣятелями, боровшимися съ расколомъ: арх. Павломъ, о. Филаретомъ, Е. А. Антоновымъ

о. Пафнутіемъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ, разумѣется, переписка съ Побѣдоносцевымъ, которая, будучи приготовлена къ печати, составляетъ одно изъ приложений къ сочиненію. Излишне распространяться о томъ, какое видное и важное значеніе въ нашей государственной и церковной жизни послѣдняго двадцатилѣтія XIX в. имѣлъ Побѣдоносецъ и поэтому не приходится много говорить о томъ большомъ интересѣ, который представляютъ собою относящіяся къ его дѣятельности документы, извлекаемые авторомъ изъ архива. Извѣстно также, какое выдающееся мѣсто въ изученіи раскола принадлежало Н. И. Субботину. Понятно, что переписка этихъ двухъ дѣятелей читается съ захватывающимъ интересомъ.

Работа, какъ она представлена, состоитъ изъ обширнаго тома, заключающаго въ себѣ текстъ сочиненія, и двухъ томовъ приложений. Первымъ изъ этихъ приложений является самая переписка Субботина съ Побѣдоносцевымъ, именно 234 письма Субботина и 187 писемъ Побѣдоносцева. Переписка обнимаетъ собою время съ 1880 по 1904 г. Томъ этотъ снабженъ краткими, представляющими только вѣщныя данныя, біографіями обоихъ корреспондентовъ, портретомъ Субботина и факсимиле одного изъ черновыхъ его писемъ. Текстъ переписки снабженъ многочисленными (829) примѣчаніями, дающими свѣдѣнія о лицахъ и событіяхъ, упоминаемыхъ въ письмахъ. Эти примѣчанія составляютъ третій томъ. Въ дальнѣйшемъ четвертомъ томѣ авторъ обѣщаетъ помѣстить рядъ документовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ издаваемой перепискѣ.

Самый текстъ сочиненія состоитъ изъ краткаго введенія, объясняющаго планъ изслѣдованія и указывающаго матеріалы, которыми авторъ пользовался, и трехъ обширныхъ главъ. Въ первой изъ этихъ главъ даются характеристики лицъ, переписка которыхъ авторомъ изучена, и на первомъ мѣстѣ характеристика Побѣдоносцева и Субботина. Въ знаменитомъ очеркѣ-прокурорѣ г. Марковъ видитъ государственнаго дѣятеля „съ строго опредѣленной программой, которой не смотря ни на какія препятствія остается вѣренъ до конца. Его цѣльная натура“, пишетъ онъ далѣе (28), не могла идти на какіе бы то ни было компромиссы, сдѣлки съ своей совѣстью, измѣны своимъ убѣжденіямъ.“ Съ этой характеристикой нельзя не согласиться. Тѣ же черты авторъ замѣчаетъ и въ

Субботинъ. „Таковъ же былъ на своемъ посту и Н. И. Субботинъ (30). Поставивъ цѣлью своей жизни честно трудиться на благо св. православной церкви борьбою съ расколомъ, Н. И. твердо и рѣшительно ведетъ эту борьбу. Мягкій и обходительный въ обыденной жизни, онъ былъ неумолимъ и строгъ, когда дѣло касалось интересовъ православія“. Неспособность идти на компромиссы, отличающая обоихъ дѣятелей, даетъ автору возможность говорить о родствѣ ихъ характеровъ.—Глава II-я посвящена выясненію взглядовъ на расколъ и единовѣріе, господствовавшихъ въ русскомъ свѣтскомъ и церковномъ обществѣ времени, обнимаемаго перепиской. Наконецъ, предметъ III-ей главы — обзоръ отношенія духовныхъ властей и свѣтскаго правительства къ расколу, поскольку это отношеніе вскрывается перепиской.

Таково богатое содержаніе сбчиненія. Не будучи специалистомъ въ вопросѣ, къ которому сочиненіе относится (авторъ имѣлъ въ виду представить работу по кафедрѣ исторіи и обличенія раскола и только вслѣдствіе вакантности этой кафедры долженъ былъ представить ее мнѣ), я не могу войти въ оцѣнку взглядовъ автора на расколъ, на причины его усиленія или ослабленія, на значеніе принимаемыхъ противъ него мѣръ по существу. Замѣчу только, что авторъ вполне раздѣляетъ ту точку зрѣнія на расколъ, которой держались и Побѣдоносцевъ и Субботинъ. Я могу касаться сочиненія лишь съ методологической стороны, отвѣтить лишь на вопросъ, насколько авторъ обнаруживаетъ умѣнье и способность работать надъ историческими документами. И на этотъ вопросъ я долженъ дать отвѣтъ вполне положительный. Авторъ проявляетъ самое тщательное, бережное, прямо любовное отношеніе къ тѣмъ документамъ, которые онъ собираетъ и надъ которыми работаетъ; это видно хотя бы изъ тѣхъ примѣчаній, которыми онъ публикуемые документы снабдилъ. Надо затѣмъ сказать, что самая подготовка матеріаловъ къ изданію должна была стоить автору огромнаго труда. Дѣло въ томъ, что письма Субботина воспроизводились съ черновиковъ, написанныхъ карандашемъ, крайне неразборчиво, какъ можно убѣдиться по приложенному факсимиле. Наконецъ, для намѣченныхъ въ изслѣдованіи вопросовъ, авторъ воспользовался всѣмъ тѣмъ изъ писемъ, что они могли ему дать. Вотъ почему представленные имъ характеристики сдѣ-

ланы ярко и полно, а глава, посвященная мѣропріятіямъ духовной и свѣтской власти относительно раскола, написана очень живо. Въ этой главѣ изъ предметовъ, которыхъ касается переписка, останавливаются на себѣ вниманіе: заботы Субботина о введеніи преподаванія исторіи раскола въ семинаріяхъ, его занятія критикой учебниковъ этого предмета по порученію Побѣдоносцева, участіе Субботина въ вопросѣ о созданіи миссіонерской школы, объ изданіи и распространеніи противораскольническихъ книгъ и др. К. П. Побѣдоносцевъ рѣшительно по каждому вопросу, крупному или хотя бы мелкому, касающемуся раскола, непременно обращается за мнѣніемъ и совѣтомъ къ Субботину и въ своихъ дѣйствіяхъ считается съ указаніями профессора. Это вліяніе ученаго на политику государственнаго дѣятеля вскрывается перепиской и ярко выяснено въ работѣ.

Итакъ, научное отношеніе къ историческому документу, умѣнье обращаться съ нимъ и умѣнье имъ пользоваться для конструктивной работы—вотъ отличающія разбираемое сочиненіе качества, дающія по моему мнѣнію автору право на полученіе искомой ученой степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Сочиненіе г. Маркова представляетъ собою огромный и очень интересный трудъ. Собственно изслѣдованіемъ служить его первая часть (358 стр.), распадающаяся на три главы, которыя слѣдуютъ за краткимъ введеніемъ. Въ первой главѣ содержатся историческія характеристики нѣкоторыхъ противораскольническихъ дѣятелей: Н. И. Субботина и К. П. Побѣдоносцева, которыхъ авторъ признаетъ натурами родственными по основнымъ стремленіямъ и міросозерцанію, архим. Навла Пруссаго, игумена Филарета, К. А. Антонова и іеромонаха Пафнутія. Эти характеристики, основанныя на документахъ, отличаются живостью и проникнуты чувствами уваженія и неподдѣльной симпатіи къ главнымъ борцамъ противъ раскола. Во второй главѣ излагаются обстоятельства, способствовавшія поддержанію и укрѣпленію раскола—старобрядчества; здѣсь авторъ рисуеъ недостатокъ свѣдѣній о расколѣ и равнодушіе къ борьбѣ съ нимъ среди духовенства, небрежность въ отправленіи богослуженія, излагаетъ взгляды на расколъ, распространенные въ интеллигентномъ

обществѣ. Наконецъ, въ третьей главѣ дается характеристика отношеній правительства къ расколу въ послѣдней четверти XIX столѣтія. Изъ этого краткаго изложенія содержанія изслѣдованія г. Маркова видно, что онъ использовалъ свои источники очень полно. Тезисы автора вездѣ подтверждаются ссылками на документы, краткими, но выразительными и яркими.

За главной частью сочиненія слѣдуютъ два приложения. Первое служитъ самымъ цѣннымъ и интереснымъ отдѣломъ кандидатской работы автора. Это — собраніе писемъ К. П. Побѣдоносцева и Н. И. Субботина съ 1880 по 1904 годъ, приготовляемыхъ къ печати. Это собраніе заключаетъ въ себѣ 187 писемъ Побѣдоносцева и 234 письма Субботина и занимаетъ 477 страницъ. Для составленія его г. Марковъ долженъ былъ потратить много времени и проявилъ въ этомъ дѣлѣ необыкновенную любовь къ научнымъ занятіямъ, большое трудолюбіе и усидчивость. Если письма К. П. Побѣдоносцева, написанныя твердымъ почеркомъ, не представляли большихъ трудностей для чтенія, то черновые наброски писемъ Н. И. Субботина, сдѣланныя карандашемъ на клочкахъ бумаги съ сокращеніями и пропусками, было чрезвычайно трудно прочесть и возстановить въ ихъ полномъ видѣ. Но авторъ прекрасно выполнилъ эту задачу.

Вторымъ приложеніемъ служатъ примѣчанія къ перепискѣ Н. И. Субботина съ К. П. Побѣдоносцевымъ, которыя касаются лицъ и событій, затронутыхъ въ письмахъ, и безъ которыхъ во многихъ случаяхъ было бы трудно понять смыслъ самаго ихъ текста. Для составленія этихъ примѣчаній необходимо было обширное знакомство съ литературой, относящейся къ исторіи раскола.

Въ общемъ трудъ г. Маркова представляетъ собою выдающуюся кандидатскую диссертацию и заслуживаетъ особаго поощренія“.

32) О сочиненіи студента *Мацкевича Иосифа* на тему: „Русская церковь въ изображеніи Флетчера“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе состоитъ изъ небольшого введенія и трехъ главъ: въ I гл. говорится о высшемъ церковномъ управ-

ленія на Руси, по Флетчеру, во II о духовенствѣ, монашествѣ и юродивыхъ, въ III о догматахъ русской церкви и порядкахъ совершенія церковнаго богослуженія.

Авторъ сопоставляетъ показанія англичанина Флетчера съ данными русскихъ памятниковъ XVI в., но въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ сначала изображаетъ положеніе дѣла по русскимъ извѣстіямъ (напр., въ I главѣ), а затѣмъ уже приводитъ извѣстія Флетчера. Вслѣдствіе такого приѣма данныя иностраннаго писателя отходятъ на задній планъ и получается у г. Мацкевича собственно очеркъ по исторіи русской церкви к. XVI в. между прочимъ и по Флетчеру. Извѣстія послѣдняго начертаны не до конца и, что особенно досадно, авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія интересныя въ церковно-бытовомъ отношеніи подробности (напр., извѣстіе о черныхъ понахъ, о вкладыяхъ при постриженіи, объ обѣтныхъ свѣчахъ, строгости постовъ, купаньи въ крещенской проруби, о царскомъ духовникѣ).—Извѣстно, что Флетчеръ—рѣзкій писатель, и его отзывы какъ о русскихъ государственныхъ порядкахъ, такъ и о русской церкви не отличаются сочувствіемъ. Г. Мацкевичъ обязанъ былъ разобрать все эти рѣзкіе отзывы иностранца, касающіеся русской церкви, однако нѣкоторые изъ нихъ онъ боязливо замолчалъ.

Но нашему автору нельзя отказать въ интересѣ къ своему вопросу, въ трудолюбіи и вполнѣ достаточной освѣдомленности по части источниковъ и литературы. Поэтому, несмотря на указанные пробѣлы, сочиненіе г. Мацкевича слѣдуетъ признать вполнѣ удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. И. Соколови*:

„Г. Мацкевичъ ставитъ своею задачей опредѣлить историческую цѣнность сообщеній Флетчера о русской церкви и церковной жизни конца XVI вѣка путемъ сопоставленія ихъ съ русскими историческими памятниками этой эпохи. „Эту задачу,—говоритъ ояъ,—мы выполняемъ такимъ образомъ: беремъ затронутые Флетчеромъ вопросы, изображаемъ ихъ исторію по нашимъ историческимъ свидѣтельствамъ и сопоставляемъ съ свѣдѣніями Флетчера, указывая, насколько справедливы его сообщенія и могутъ ли они дать историку нашей церкви какія-либо цѣнныя указанія“ (стр. 13). Дан-

ная авторомъ формулировка его задачи не вызываетъ никакихъ принципиальныхъ возраженій, но правиленъ ли его методъ? Начинать работу о Флетчерѣ изображеніемъ подлинной исторіи затронутыхъ имъ вопросовъ, значить дѣлать исходной точкой изслѣдованія то, что должно было бы быть его результатомъ. Слѣдуя этому плану, авторъ выдвигаетъ на первое мѣсто историческіе факты, имѣющіе для него лишь вспомогательный интересъ, и заслоняетъ ими главный предметъ своего изученія. Послѣдствія такой неудачной постановки дѣла особенно ясно сказались въ первой главѣ его сочиненія, посвященной вопросамъ церковнаго управленія. Авторъ съ большими подробностями говоритъ здѣсь объ отношеніяхъ русской церкви къ константинопольскому патриарху, объ учрежденіи патриаршества въ Россіи, о положеніи епархіального архіерея въ концѣ XVI вѣка, о предѣлахъ архіерейской юрисдикціи, объ епархіальныхъ „собраніяхъ“, объ архіерейскихъ чиновникахъ, о поповскихъ старостахъ, и проч., и лишь мѣстами, какъ-бы вскользь, приводитъ свидѣтельства Флетчера, исправляя его ошибки. Въ результатъ, вмѣсто анализа показаній Флетчера, получается картина церковнаго управленія въ древней Руси,—довольно хаотическая и нестройная картина, въ которую эти показанія вошли въ качествѣ какой-то ненужной добавки. Гораздо ближе г. Мацкевичъ подходит къ своей задачѣ въ остальныхъ двухъ главахъ своей работы, трактующихъ о низшемъ духовенствѣ, о монашествѣ, о юродивыхъ, о догматахъ русской церкви и о богослужебномъ ея чинѣ; но здѣсь онъ впадаетъ уже въ другую крайность: излагая свѣдѣнія Флетчера въ болѣе связномъ видѣ, онъ не даетъ имъ полного историческаго освѣщенія. Авторъ относится къ сообщеніямъ Флетчера большею частью отрицательно, но и отрицательная, и положительная оцѣнка этихъ сообщеній у него не всегда достаточна мотивирована. Иногда онъ оспариваетъ сужденія англійскаго путешественника тамъ, гдѣ съ ними можно было бы и согласиться; иногда же онъ вѣритъ Флетчеру на слово, „безъ всякихъ критическихъ провѣрокъ“ (стр. 199), хотя такія провѣрки и были бы необходимы.

Въ концѣ концовъ сочиненіе г. Мацкевича не даетъ яснаго представленія о томъ, чѣмъ является „русская церковь въ изображеніи Флетчера“, но оно показываетъ, что самъ авторъ

изучилъ состояніе русской церкви въ эту эпоху очень недурно. Онъ въ достаточной степени знакомъ и съ ея исторіей, и съ ея учрежденіями, и съ ея юридическими нормами, и съ ея бытовой стороною. Ему извѣстны и важнѣйшіе историческіе памятники этого времени, и относящаяся къ нему историческая литература. Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ“.

33) О сочиненіи студента *Мигулина Александра* на тему: „Внутренняя Миссія въ Германіи и ея оцѣнка съ православной пасторологической точки зрѣнія“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Предметъ изслѣдованія г. Мигулина — явленіе чрезвычайнаго значенія въ новѣйшей исторіи протестантизма Германіи. Зародившись въ восьмидесятихъ годахъ XVIII столѣтія, Внутренняя Миссія, постепенно развиваясь, превратилась въ настоящее время въ грандіознѣйшую сътъ прямо таки безчисленныхъ христіанско-просвѣтительныхъ и благотвори- тельныхъ организацій и учреждений и получила силу „новаго могучаго реформаціоннаго движенія въ нѣдрахъ лютеранской церкви“, явившись какъ бы реставраціей реформаціоннаго движенія XVI вѣка (см. брошюру Behm'a — „Die Innere Mission eine kirchliche Reformbewegung des 19 Jahrhunderts“), приведшей идеологію и практику протестантской „церковной“ жизни къ рѣшительному и въ то же время любопытному кризису, равный которому едва ли можно указать въ жизни протестантизма. Изученіе такого рода явленія — дѣло настоятельной необходимости и высокой цѣнности для новѣйшей исторіи западнаго христіанства уже съ просто исторической точки зрѣнія. И уже съ этой точки зрѣнія работа г. Мигулина должна быть привѣтствуема, какъ безусловно необходимая въ русской богословско-исторической литературѣ. О Внутренней Миссіи Германіи наша литература доселѣ имѣла лишь нѣсколько мелкихъ статей іером. Христофора въ журналѣ еп. Евдокима „Христіанинъ“ и данный въ приложеніи къ тому же журналу переводъ книги Шефера „Внутренняя Миссія, ея работа и рабочія силы“. На Западѣ Внутренняя Миссія породила вокругъ себя обширнѣйшую литературу, описывающую и документально освѣщающую весь разнообразнѣйшій

развитія своей жизнедѣятельности. Г. Мигулинъ съ свойствен-
нымъ ему удивительнымъ трудолюбіемъ изучилъ важнѣйшую
часть этой литературы (до послѣднихъ №№ журналовъ, по-
священныхъ спеціально дѣлу Внутренней Миссіи) и въ резуль-
татѣ далъ: 1) обстоятельный научный очеркъ исторіи и со-
временнаго состоянія дѣятельности Внутренней Миссіи; 2)
характеристику идеологии Внутренней Миссіи; 3) характери-
стику сущности идейнаго и жизненнаго кризиса, произведен-
наго Миссіей въ нѣдрахъ лютеранской „церкви“. Уже выпол-
неніе одной этой научно-исторической задачи даетъ автору
безспорное право на полученіе степени кандидата богословія.

Но задача, поставленная мною г. Мигулину, была гораздо
шире. Онъ писалъ трудъ по Практическому Богословію, соб-
ственнымъ мотивомъ его работы были интересы пасторологи-
ческаго характера.

Внутренняя Миссія есть явленіе, по своему существу при-
надлежащее къ сферѣ жизнедѣятельности, именуемой въ
богословской наукѣ „душепопеченіемъ“, и составляющей пред-
метъ изученія такъ называемаго Практическаго Богословія.
Какъ таковая, Внутренняя Миссія составляетъ въ настоящее
время въ Германіи предметъ изслѣдованія особой отрасли
науки Практическаго Богословія, именуемой пока „уче-
ніемъ о Внутренней Миссіи“ и обязательно изучаемой всѣми
кандидатами на духовныя должности протестантской „церкви“.
Протестантство, не имѣющее благодати священства, не знаетъ
пастырства и пастырскаго душепопеченія; оно знаетъ только
взаимное братское душепопеченіе или взаимную братскую
заботу мірянъ о спасеніи души одинъ другого, т. е. только
ту дѣятельность мірянъ, которая по православно-церковному
жизнепониманію и жизнеустроенію есть лишь вспомогатель-
ное условіе благодатно-пастырскаго вліянія и строительства
душъ. Внутренняя Миссія и представляетъ изъ себя гран-
діозное стихійное движеніе въ сторону возрожденія, жизнен-
наго утвержденія дотолѣ мертваго въ нѣдрахъ протестант-
ства начала взаимнаго братскаго попеченія о спасеніи другъ
друга. Для православнаго пасторолога трудно представи-
явленіе болѣе замѣчательное, чѣмъ это: попытка оживленія
православнаго принципа жизни на почвѣ, лежащей внѣ
сферы, въ которой этотъ принципъ единственно только и
можетъ быть живымъ, внѣ истинной Церкви, обладающей

полнотой благодатной жизни. Сдѣлать наблюденія надъ этой попыткой протестантства: „прыгнуть выше собственной головы“—и было предложено г. Мигулину. Научно-пасторологическій интересъ этихъ наблюденій двойкій. Во-первыхъ, интересъ апологетическій: чѣмъ ближе къ свѣту, тѣмъ очевиднѣе открываются недостатки, и потому попытка протестантовъ освѣщенія собственной жизни свѣтомъ православнаго принципа должна вести ни къ чему иному, какъ къ признанію недостаточности наличныхъ основъ ихъ жизни, не сливающейся съ чуждымъ ей православнымъ принципомъ. Изслѣдованіе г. Мигулина, дѣйствительно, и констатируетъ, что движеніе, данное „церковной жизни“ протестантства Внутренней Миссіей, ведетъ ее въ тупикъ, который сознаютъ сами протестанты, изъ котораго нѣтъ иного выхода, кромѣ возврата въ цѣбра православной церковности. Еще важнѣе другая сторона дѣла. Въ наше время науки болѣе всего цѣнятъ экспериментальные методы изслѣдованія. Экспериментъ состоитъ въ томъ, что для опредѣленія нормальныхъ составныхъ элементовъ и нормальнаго хода того или другого жизненнаго процесса этотъ процессъ искусственно ставятъ и наблюдаютъ въ условіяхъ, для него ненормальныхъ: только такимъ путемъ вскрываются сокровенныя основы, силы и законы жизненныхъ явленій. И для научнаго познанія тайнъ религіозной жизни нѣтъ иного болѣе точнаго метода, какъ этотъ: ставить и наблюдать процессъ религіозной жизни въ условіяхъ ненормальныхъ. Но въ религіозной области сознательно—намѣренное производство такого рода экспериментовъ одной личностью надъ другой—дѣло недопустимое, какъ въ области медицины недопустимы эксперименты надъ живыми личностями, вносящіе разстройство здоровья или смерть. Если медицина въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ услугамъ царства животнаго, то для изучающаго религіозную жизнь идти въ этомъ направленіи некуда. Однако, въ возмѣщеніе недостающаго послѣдній имѣетъ для своего изученія разнообразнѣйшіе эксперименты, созданные самою жизнью, безсознательно производимые людьми надъ самими собою, это—попытки осуществленія христіанской жизни въ ненормальныхъ, внѣцерковныхъ условіяхъ. Для православнаго ученаго пасторолога здѣсь драгоцѣннѣйшій, ничѣмъ незамѣнимый мате-

риаль для экспериментальнаго наблюденія и опредѣленія законовъ нормальной христіанско-церковной жизни, подобно тому какъ изученіе растенія, пересаженнаго въ чуждую ему почву, живого существа, перенесеннаго въ чуждыя ему климатическія условія, даетъ рядъ цѣнныхъ данныхъ о природѣ и законахъ бытія этого растенія или существа. Разсматривая Внутреннюю Миссію съ этой точки, г. Мигулинъ сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ для пасторологіи выводовъ, между прочимъ—по вопросу о нормальной структурѣ „прихода“, какъ церковнаго организма, связаннаго союзомъ многообразно проявляющейся взаимной заботы о спасеніи каждаго сочлена.

При выполнении послѣдней—критической задачи своей работы авторъ базируется на святоотеческихъ твореніяхъ, обильно приводя изъ нихъ цитаты, выясняющія основные элементы православнаго пониманія пастырства и церковнаго строя жизни вообще.

Единственный серьезный недостатокъ сочиненія, который можно поставить въ вину автору, это—невъдержанность изложенія: авторъ нерѣдко говоритъ чрезвычайно тяжелыми, неправильно построенными періодами, а иногда формулируетъ свою мысль настолько неясно, что ее нелегко уловить.

Два другихъ серьезныхъ недостатка сочиненія лежатъ внѣ сферы личнаго вмѣненія, такъ какъ обусловлены исключительно недостаткомъ времени, бывшаго въ распоряженіи г. Мигулина. Въ первой части своего сочиненія—исторической—авторъ использовалъ далеко не всѣ необходимые матеріалы, а вторая часть—критическая—написана лишь конспективно. Было бы очень желательнымъ, чтобы авторъ продолжилъ свою глубоко интересную и весьма цѣнную работу, привлекиши къ дѣлу оставшіяся неиспользованнымъ матеріалъ въ исторической части и развивши обстоятельно только лишь намѣченные тезисы второй: тогда бы его трудъ явился дѣльной магистерскою диссертациею, вносящей въ отечественную науку Практическаго Богословія цѣнный вкладъ, въ которомъ она настойчиво нуждается. Надѣюсь, что трудолюбивый авторъ, такъ ревностно (трудъ почти въ 1500 страницъ) начавшій свою работу, не преминетъ приняться за ея довершеніе, и въ этой надеждѣ считаю долгомъ рекомендовать г. Мигулина общирительному вниманію Совѣта Академіи“.

4) Ординарнаго профессора С. С. Глаголева:

„Обширный трудъ (12 стр. оглавл.+1469, по моему расчету 368 стр. шрифта Богословск. Вѣстника) г. Мигулина представляет собою цѣнный вкладъ въ область практическаго Богословія. Авторъ подробно изучилъ движеніе внутренней миссіи въ Германіи, онъ далъ исторію ея возникновенія, возникновенія отдѣльных ея фѣрейновъ и институтовъ. Онъ снабдилъ свое сочиненіе подробными статистическими данными, дающими возможность судить о ростѣ дѣла, о средствахъ миссіи, о числѣ пользующихъ и пользующихся въ ней.

Спѣшность работы помѣшала автору отдѣлать свое сочиненіе съ внѣшней стороны. У него не мало странныхъ и неудачныхъ выраженій. Укажу нѣкоторыя.

На 2 стр. оглавленія (103 текста) написано: „церковное попеченіе о текущемъ народонаселеніи“. Какъ это понять? Оказывается, подъ текущимъ народонаселеніемъ разумѣются лица съ перемѣннымъ мѣстомъ жительства (наприм., занимающиеся отхожими промыслами).

На стр. 1462. „У нихъ жизнь бываетъ даже болѣе лучшая, чѣмъ“.. Здѣсь какая-то двойная сравнительная степень.

На 1378—1379 стр. авторъ рѣшительно утверждаетъ, что любить ближнихъ безъ особаго благодатнаго дара болѣе, чѣмъ самого себя, невозможно. Такъ ли? Языческія матери развѣ не жертвовали своею жизнью для спасенія дѣтей. Языческіе полководцы развѣ не гибли за отечество. Dulce et decorum pro patria mori. Въ наше время капитанъ погибающаго корабля, часто не имѣя никакой вѣры, спустивъ съ корабля всѣхъ, гибнетъ самъ съ кораблемъ. Пусть говорятъ, это совершается во имя животнаго инстинкта, эгоизма, гордости, самолюбія. Смерть предпочитаютъ позору. Пусть такъ. Но все это показываетъ, что въ человѣческихъ обществахъ живетъ сознаніе, что человѣкъ долженъ служить чему то высшему болѣе, чѣмъ самому себѣ.

На 401 стр. учрежденіямъ внутренней миссіи дается названіе „общественно-политическихъ институтовъ“. Подходитъ-ли къ нимъ слово „политическихъ“?

Но все это—мелочи. Для насъ важно главнымъ образомъ, какое значеніе придаетъ авторъ германской внутренней миссіи. Онъ видитъ въ ней движеніе въ нѣкоторой мѣрѣ приближающееся къ православію, но главнымъ образомъ

пребывающее въ протестантизмѣ. Основнымъ недостаткомъ миссіи авторъ считаетъ отсутствіе у нея руководителей благодатнаго священнаго сана. Послѣднее утвержденіе автора, конечно, должно признать безусловно правильнымъ.

Но первый тезисъ автора мнѣ представляется ошибочнымъ. Совершенно вѣрно, что мы можемъ заимствовать у миссіи формы и методы благодѣтельности, порою, пожалуй, заимствовать даже способы религіознаго водительства. Все хорошее можно брать, откуда бы оно ни шло. Но признать существованіе у внутренней германской миссіи движенія по направленію къ православію можно бы было только тогда, когда обнаружилось бы, что миссія хочетъ установить у себя твердое вѣроученіе, создать непоколебимое средо. Этого нѣтъ. Лютеране все болѣе и болѣе эмансипируются отъ вѣроученія и религію хотятъ замѣнить моралью.

На это въ будущей разработкѣ своего труда долженъ обратить вниманіе авторъ. Когда у народа исчезаетъ религія, то люди долго еще могутъ пользоваться ея нравственною теплотою все равно, какъ послѣ того, какъ закрыты печи, теплота долго держится въ комнатѣ. Но постепенно исчезаютъ какъ теплота физическая, если не будетъ данъ новый огонь, такъ и теплота нравственная, если не будетъ подаваемъ огонь благодатный. Атеисты вѣдь теперь, поскольку они живутъ нравственною жизнью, постольку живутъ на счетъ вѣрующихъ. Безъ живой, опредѣленной и твердой вѣры всѣ эти арміи спасенія, внутреннія миссіи нѣкоторое время будутъ стоять на нравственной высотѣ, но потомъ въ члены этихъ обществъ вступятъ лица съ корыстными цѣлями, вступятъ шарлатаны. Единственною цѣлью по отношенію къ своимъ обществамъ они поставятъ соблюденіе приличія. А потомъ и это окажется невозможнымъ, и благое начинаніе найдетъ свой конецъ въ уголовномъ судѣ съ присвокупленіемъ гражданскихъ исковъ.

Но я не могу и не хочу вѣрить, чтобы таковъ былъ конецъ всѣхъ религіозныхъ движеній запада въ настоящее время. Я самъ бывалъ на религіозныхъ собраніяхъ въ Англии и не могъ не подмѣтить тамъ живого религіознаго одушевленія. Но для того, чтобы люди, ищущіе правду, могли найти ее, нужно, чтобы пребывающіе въ правдѣ не оставались инертными, чтобы, видя людей ищущихъ правды, они

не проходили мимо нихъ съ тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ нѣкогда іудейскій священникъ и левитъ прошли мимо челоуѣка израненнаго разбойниками.

На эту и на другія добрыя мысли наводитъ сочиненіе г. Мигулина и я считаю его трудъ цѣннымъ.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно“.

34) О сочиненіи студента священника *Михаилушка Евстація* на тему: „Царствованіе Давида по свидѣтельству книгъ Царствъ и Паралипоменонъ“.

а) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе отца Евстація предваряется длительнымъ спискомъ источниковъ и пособій. Русская богословская и общесторическая литература по подлежащему изслѣдованію представлена здѣсь достаточно полно, но западная литература почти отсутствуетъ, однако это обстоятельство еще не служитъ свидѣтельствомъ незнакомства писавшаго съ гипотезами и выводами западной науки, только свѣдѣнія о таковыхъ онъ черпалъ не изъ первоисточниковъ. Бóльшій дефектъ представляетъ бѣдность основныхъ пособій въ трудѣ отца Евстація: критическія изданія масоретскаго текста, капитальныя собранія вариантовъ у Кенникотта и Де-Росси остались ему неизвѣстными, а потому и его трудъ нигдѣ не спускается до требовавшейся характеромъ темы микрологіи, детальности изслѣдованія, оставаясь на высотахъ общихъ созерцаній. Обиліе русскихъ переводовъ еврейскаго текста, происходящихъ отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ временъ, не могло, разумѣется, представить еврейскаго архетипа съ его своеобразною фізіономіею. Переводы текстовъ, подлежащихъ изученію отца Евстаія, разумѣю хотя бы LXX и вульгату, какъ болѣе доступныя, также не были привлечены, какъ епэкзегетическія средства. Благодаря всему вышеуказанному работа отца Евстаія получила бóльшій наклонъ въ область положеній и изысканій библейско-историческаго типа, чѣмъ это требовалось по существу его задачи: прослѣдить взаимоотношеніе текстовъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ и тѣмъ содѣйствовать

рѣшенію текстуально-критическаго вопроса о взаимоотношеніи этихъ библейскихъ памятниковъ и ихъ священныхъ писателей. Хотя въ началѣ своей работы отецъ Евстаѣій и занимается вопросомъ о взаимоотношеніи книгъ Царствъ и Паралипоменонъ, но дѣлаетъ это слишкомъ конспективно, между тѣмъ подобное сопоставленіе текстовъ обоихъ памятниковъ могло бы стать центромъ его вниманія на всемъ протяженіи его сочиненія и избавить его отъ излишней въ библейско-филологической работѣ описательности.

Что касается до рубрикъ намѣченной отцемъ Евстаѣіемъ схемы сочиненія, то онѣ вполнѣ естественны и законны. Послѣ общаго эскиза, касающагося теократической жизни древнихъ евреевъ и положенія царя въ еврейскомъ обществѣ, авторъ послѣдовательно обозрѣваетъ состояніе еврейскаго царства до Давида и при Давидѣ, причемъ отличаетъ внутреннюю и вѣшнюю политику послѣдняго. Заключительныя части сочиненія занимаютъ болѣе интимною жизнью Давида, впрочемъ по большей части въ связи съ общою исторіею его царствованія. Послѣсловіе сочиненія, пытающееся трактовать о значеніи Давида въ исторіи, не даетъ цѣлостнаго образа этого царя, а поэтому должно отсылать къ ретроспективному обзору всего ранѣе сказаннаго о Давидѣ.

Какъ цѣлое, сочиненіе отца Евстаѣія производитъ самое выгодное впечатлѣніе проявленнымъ имъ интересомъ къ своей темѣ, обильною цитаціею, дѣловитымъ тономъ изложенія, всюду проглядывающимъ благоговѣніемъ предъ личностью великаго царя народа Божія, ставшаго въ нѣкоторыхъ фазахъ своей дѣятельности и жизни образомъ Мессіи, но библейско-филологическаго матеріала въ немъ безусловно недостаточно, а между тѣмъ авторъ близко подходитъ къ выполненію требованія филологической работы, когда напр. на стр. 18 говоритъ о совпаденіи и даже тождественности текстовъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ. Двойственная таблица текстовъ лучше показала бы, въ чемъ здѣсь сходство, по предмету ли изложенія или по грамматико-словесному вербализму. 43 мѣста, гдѣ наблюдаются совпаденія, нужно было бы привести по характеру работы отца Михальчука *in extenso*, а такія опущенія свидѣтельствуютъ, что онъ недостаточно усвоилъ себѣ задачи филологическаго метода.

Вопросъ о взаимномъ пополненіи священныхъ источниковъ также удобнѣе было бы рѣшать не одною подстрочною цитациею, такъ какъ нѣкоторые изъ такихъ восполненій могутъ носить характеръ экзегесиса данныхъ одного источника въ другомъ. Библейскій историкъ могъ бы еще удовлетвориться заявленіемъ автора, что при изученіи царствованія Давида нужно имѣть въ виду совмѣстно книги Царствъ и Паралипоменонъ, но для филолога сопоставленіе съ фразеологической стороны тѣхъ и другихъ памятниковъ, ихъ стилистическая внѣшность не безразличны, какъ проливающая свѣтъ на исторію происхожденія священнаго текста въ ту или иную эпоху. Съ психологическимъ экскурсомъ автора на стр. 30, касательно вліянія общности темы на общность выраженій, также позволительно не согласиться, а затронутый вопросъ объ общности источниковъ (литературныхъ) для обоихъ писателей священной древности требовалъ бы болѣе разработки. На стр. 32-й авторъ говоритъ объ обычаѣ у евреевъ давать младенцамъ по нѣскольку именъ, желательна была бы въ этомъ случаѣ библейская цитация, иначе это выступало бы какъ своеобразная *petitio* при толкованіи не совпадающихъ генеалогическихъ списковъ и вообще въ области античной генеалогіи. Древность знаетъ измѣненіе имени, но авторъ очевидно имѣетъ въ виду одновременное сообщеніе нѣсколькихъ именъ новорожденному, вводя нѣчто своеобразное въ сферу еврейской ономастологіи. Въ сочиненіи замѣчаются и другіе *lapsus*, напр. уклоненіе отъ темы въ сторону археологическихъ экскурсовъ, къ числу каковыхъ можно отнести детальное описаніе музыкальных древне-еврейскихъ инструментовъ (стр. 108 и далѣе) и т. п. но всѣ эти недочеты не мѣшаютъ труду отца Евставія быть признаннымъ удовлетворительнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ“.

б) И. д. доцента В. А. Троицкаго:

„Очень небольшое сочиненіе о Евставія (259 стр. по 450 буквъ на стр., такъ что въ печати шрифтомъ Богословскаго Вѣстника все сочиненіе заняло-бы около 55 стр.) не представляетъ большого вклада въ науку. Для написанія своего сочиненія авторъ изучилъ Библію въ нужныхъ ему частяхъ, прочиталъ до 60 книгъ и статей, списокъ которыхъ даетъ

въ началѣ своего сочиненія (стр. 5—14). На основаніи всего этого и дается подробное изложеніе священной исторіи Давидова царствованія по Библии съ нѣкоторыми дополненіями археологическаго характера, не всегда впрочемъ необходимыми для дѣла, каковы подробныя, напр., рѣчи объ еврейскихъ музыкальныхъ инструментахъ (стр. 109—119). Вводитъ въ свой трудъ о Евстаѳіи и нравоучительный элементъ, когда, напр., дѣлаетъ нравственный выводъ изъ факта смерти Озы (стр. 84 прим. 1) или разсуждаетъ о грѣхѣ прародительскомъ (стр. 189). Но въ сочиненіи почти нѣтъ научно-филологическаго изслѣдованія самаго библейскаго текста. Только въ началѣ сочиненія о Евстаѳіи заговорилъ было о взаимномъ отношеніи книгъ Царствъ и Паралипоменонъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы совершенно забыть все это до самаго конца сочиненія. Правда, въ сочиненіи, особенно въ концѣ, почти постоянно приводятся цѣлыя фразы на еврейскомъ языкѣ (стр. 201, 206, 210, 211, 212, 217, 243, 246, 248, 251, 256), но это свидѣтельствуетъ развѣ о томъ, что авторъ умѣетъ читать по еврейски и довольно искусно писать, научное же достоинство сочиненія отъ этого едва ли что-нибудь выигрываетъ. Къ области научнаго изслѣдованія въ полномъ смыслѣ этого слова сочиненіе о Евстаѳіи не относится. Но сочиненіе это должно быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ, если на него смотрѣть не съ строго научной точки зрѣнія. Всю доступную литературу авторъ изучилъ весьма внимательно, обильно и точно цитируетъ какъ Библию, такъ и свои пособія, лишь изрѣдка забывая это сдѣлать (стр. 47, 58, 60). Предметъ, ограниченный въ широтѣ самой постановкой изслѣдованія, разсмотрѣнъ съ достаточной полнотой и законченностью. Затрогиваются нѣкоторые и чисто научные вопросы, но съ ними авторъ раздѣляется черезчуръ легко и просто и, конечно, не совѣмъ безспорно (см. стр. 32—33, 101—102, 141—143). Планъ сочиненія можно вполнѣ одобрить, хотя нельзя не замѣтить того, что у автора часто нѣтъ никакого перехода отъ одного отдѣла къ другому. Нѣкоторые отдѣлы такъ и начинаются со словъ: „теперь перейдемъ и т. д.“ (стр. 143, 167). Все сочиненіе написано простымъ и вполнѣ литературнымъ языкомъ. Стилистическія шероховатости встрѣчаются рѣдко (стр. 27, 28, 55, 152—153, 190, 206, 222, 233, 249).

Есть въ сочиненіи о Евстаѣіи недочеты и частнаго, а можетъ быть и случайнаго характера.

Такъ въ перечнѣ пособій (стр. 8) читаемъ: Св. Іоаннъ Златоустъ. Бесѣда о Давидѣ и Саулѣ. Христіанское Чтеніе. 1833 г., ч. 1—2. Странно, конечно, бесѣду Іоанна Златоуста читать и цитовать по Христіанскому Чтенію 1833 года, когда она есть въ 4 томѣ его полнаго собранія твореній. Кромѣ того, первую бесѣду Златоуста на ев. Матѣя авторъ цитируетъ по книгѣ М. А. Оленицкаго (стр. 31), а приводя мнѣніе Оригена (стр. 52) авторъ не ставитъ никакого цитата.

Не совсѣмъ ясны разсужденія о происхожденіи и характерѣ книги Паралипоменонъ. Авторъ отмѣчаетъ, что въ ней очень часты ссылки на древнія записи, но въ то же время говорить объ ея абсолютной самостоятельности (стр. 26—27).

Преклоняясь предъ личностью царя Давида, авторъ утверждаетъ (стр. 50), что Давидъ совершилъ *только* одинъ грѣхъ въ отношеніи Ури и его жены. Здѣсь авторъ совершенно напрасно ссылается на Іосифа Флавія (Antiquit. VII, 7, 1), потому что Флавій въ указанномъ мѣстѣ ничего подобнаго не говоритъ, а лишь повторяетъ библейскій разсказъ. Но и самъ авторъ указанный грѣхъ Давида на стр. 191 называетъ не единственнымъ, а *первымъ*; на стр. 221 о Давидѣ уже читаемъ: къ прежнимъ беззаконіямъ приложилъ еще одно.

Едва-ли правъ о Евстаѣіи, когда отмѣчаетъ въ періодъ судей наряду съ отсутствіемъ постоянной свѣтской власти отсутствіе и религіи (стр. 64). Въ Библии о періодъ судей сказано лишь, что слово Божіе было рѣдко и видѣнія не часты (1 Цар. 3, 1), однако вѣдь были же и тогда „люди Божіи“ (1 Цар. 2, 27—36), „ангелы Господни“ (Суд. 2, 1—4), на которыхъ былъ Духъ Господень (Суд. 3, 9—10), и пророки проповѣдывали иногда слово Божіе (Суд. 6, 8—10).

Къ неосторожнымъ преувеличеніямъ нужно отнести утвержденія автора, будто въ Давидово царствованіе еврейская держава повелѣвала почти всеі западной Азіи (стр. 65, 146). Но вѣдь въ западной Азіи и наша Сибирь, куда во времена Давида еврейская держава еще не простиралась.

Неудобно, думается, Асафа, Емана и Идифуна называть *регентами* (стр. 100) или говорить объ армейскихъ офицерахъ временъ Давида (стр. 20).

На стр. 121—122 авторъ говоритъ, что названія священ-

ническихъ чредъ, установленныхъ при Давидѣ, сохранились до окончательнаго прекращенія храмоваго богослуженія въ 70 году по Рождествѣ Христовомъ. Странно видѣть, что въ подтвержденіе этой мысли авторъ считаетъ вполне достаточнымъ поставить такой цитатъ: Душеполезное Чтеніе. 1872 г. ч. 3, стр. 356.

Понятно, что о. Евстаѣій констатируетъ въ царствованіе Давида отсутствіе въ Палестинѣ желѣзныхъ дорогъ (стр. 227), но онъ почему-то утверждаетъ, что тогда не было тамъ и лошадей.

Не могу также высоко цѣнить въ научномъ отношеніи такую фразу о. Евстаѣія: „По свидѣтельству „Библейской Археологіи“ Архим. Иеронима, а также по свидѣтельству „Всемирной Исторіи“ Шлоссера при Давидѣ у евреевъ возникли ремесла и положено начало великой торговой дѣятельности“ (стр. 257—258).

Подобнымъ же образомъ и на 259 стр. читаемъ: „какъ свидѣтельствуется исторія, Давидъ не былъ деспотомъ“. Цитатъ: Шлоссерь, цитов. соч., т. I, стр. 52. Курсы исторіи авторъ какъ будто смѣшиваетъ съ самой исторіей.

Не особенно высокій общій научный уровень прочитанной работы священника о. Евстаѣія Михальчука и ея частные промахи и недостатки однако ни чуть не препятствуютъ признать ее вполне удовлетворительной въ качествѣ кандидатскаго сочиненія.

О. Евстаѣій Михальчукъ сдѣлалъ, повидимому, все, что могъ, и если не далъ вклада въ науку, то самъ нѣсколько познакомился съ наукой и потому степени кандидата богословія достоинъ“.

35) О сочиненіи студента *Муратова Василія* на тему: „Вѣчно цѣнное въ человѣческой жизни. Анализъ „Философій цѣнностей“ Мюнстерберга“.

а) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Задача автора состояла въ томъ, чтобы дать „анализъ“, то-есть истолкованіе и критику, „Философій цѣнностей“ Мюнстерберга. Для этого ему нужно было проштудировать въ подлинникъ главное сочиненіе философа (компактный томъ, въ 483 стр.), восполнить раскрытые въ немъ тезисы мыслями